

СЛОВО И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ МОЛЧАНИЯ

А. Е. Пращеник

Белорусский государственный университет

Проблема, заключающаяся в попытке осуществить феноменологию молчания сходна с той проблемой, противоречием, о котором говорит Деррида в отношении Фуко и его «археологии безумия» как безмолвия, спровоцированного экспансией монотонии и монолога языка психиатрии и в целом европейского языка как языка Разума, конституирующего безумие как неразумие. «Язык разума есть Порядок» и парадокс заключается в том, что «...революция против Разума возможна только в рамках разума, когда порядок разоблачается по порядку»[1, с. 126], а молчание описывается с помощью слова и, вообще считается «явлением языко-

вым» или модусом языковости, так как « даже отказ языка служит нам свидетельством о его способности искать выражение для чего бы то ни было, а сама утрата дара речи есть уже некоторый вид речи»[2, с. 98].

С одной стороны, молчание как феномен, как «само-по-себе-кажущее»[3, с. 26], самоочевидное, само по себе способное стать видимым, не требует для своей дешифровки, перевода, ничего явленного, в том числе и слова, чем ставит под сомнение исключительность языковой детерминации процессов нашего мышления и восприятия. Однако, вне соотнесенности, коррелятивности со словом, оно ничего нам не говорит и становится тождественным с безмолвием, которое находится по ту сторону языка и сознания. В контексте неустранимости вовлеченности в язык, об-реченности нашего сознания, молчание может быть помыслено как небытие языка, то есть как сфера принципиально непереводаемого в языковые формы содержания, трансляции смыслов внедискурсивными средствами; или же как инобытие языка, как сфера, где слово, предоставляя говорить несловесному, несказанному, задает лишь некое интерпретационное поле, горизонт истолкования. Несказанное, невыразимое, неизреченное открывается вместе с немислимым, незнаемым, не вмещающимся в рамки разумного, существующим в зазоре между тем, что может быть осмыслено в свете cogito и тем, что неуловимо от него ускользает. Язык, соотнесенный с разумом, в качестве предпосылки и условия разворачивания имеет установление дистанции по отношению к предмету речи, который неизбежно становится объектом, так как не принимается в своей неартикулированной исходности, непосредственной бытийственной предъявленности. Слово оказывается первичнее обозначаемого им предмета, так как вытесняет его из нерасчлененной сокрытости в принудительную логосность. В топосе молчания предмет превращается в вещь как то, что «имеет бытие и держит его при себе»[4, с. 85]. Предмет же имеет реальность и предоставляет ее субъекту. В молчании снимается дистанция между предметом речи и говорящим, исчезает субъект - объектная диспозиция, реализуется тот уровень вещи, на котором она соотнесена с самой собой, ее структурная заданность выражает нагое бытие вещи. Здесь уже нельзя наблюдать причинно-следственные связи созерцающему, познающему, оценивающему субъекту, наделенному способностью суждения, а можно лишь интуитивно усматривать наглядно-зримую пластичность, образность, плотность вещи.

Можно выделить три разновидности молчания:

- Молчание как немота, коммуникативная и семантическая негативность; отсутствие возможности и желания установления контакта; знак невозможности преодоления разногласий, несовпадений, расхождений,

безнадежности попыток нахождения некой точки соприкосновения с Другим и миром, общности понимания, когда не «удаётся возделывать общее поле говоримого».

- Молчание как своеобразный вид языка, снимающий необходимость словоупотребления по причине достижения высшего уровня взаимопонимания – «без слов», когда слова не могут своим общеупотребительным значением передать высокую степень концентрации смысла.

- Молчание как уединенный диалог с голосом бытия вне логоса, так как голос и логос не тождественны. Молчание само пробуждает голоса, бывшие приглушенным гулом языка, шумом девальвированных, холостых, утративших содержательность слов. Оно является формой ответа на «зов бытия», возможно, наиболее адекватной его мелодике, проводником забытой Истины, разрушающей устоявшийся строй словоупотребления, смещающей общезначимые смыслы, перестраивающей привычный порядок дискурса. Молчание – это диалог с трансцендентным наедине с самим собой, а также диалог с миром, ареал согласованности и сопричастности, не требующий словесного опосредования и оправдания. Молчание как то общее, что роднит, так как не предполагает никакой определенности, формализма и ограниченности, репрезентирует некую изначальную, утраченную безусловность включенности в мир, космос. Однако человек, культура не может оставаться на уровне неоформленного «недифференцированного первозданного основания», синкретизма бытия и сознания и т.д. и полагает себя в различных, в том числе и дискурсивных, формах трансцендирования. Такое молчание также выступает формой трансцендирования, так как позволяет услышать звучание мироздания в его нечленораздельности, непосредственности, нерасчлененности на слова и понятия, привносящие очеловеченный, относительный, временный смысл. Замолчать, чтобы предоставить говорить бытию, означает отказаться от собственной единичности, уникальности, обособленности и влиться в стихию ничем не опосредованной (в том числе и прагматическими, утилитарными, инструменталистскими интенциями) захваченности сущим, обоснованности в нем.

Молчание занимает пограничное положение между миром нарративного и миров визуального, причем в топосе молчания визуальное отбирает пространство у нарративного. Молчание переводит нас в иную плоскость, мизансцену зримого, образно-пластического, где говорят жесты, мимика, поза, взгляд, телесное, особым образом организованное пространственное, не обязательно выражающее нечто сверхтелесное или сверхпространственное. В молчании вещь открывается во всей своей непосредственной данности, аутентичной бытийственности, свободной от

дискурсивного волеизъявления субъекта. Здесь происходит разложение принципа индивидуации, растворение субъективности в некой общей естественности.

Литература

1. *Деррида Ж.* Письмо и различие. Спб.: Академический проект, 2000. 430с.
2. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367с.
3. *Хайдеггер М.* Бытие время. М.: Ad marginem, 1997.
4. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343с.